

Владимир Малахов

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА

Разговоры о либерализме мне представляются крайне проблематичными. В первую очередь по причине неопределенности референта. Эту неопределенность не устранить никакими конвенциями. Даже если в некоем экспертном кругу договорятся о том, в каком значении употреблять — и в каком не употреблять — этот термин, всегда найдутся люди из другого экспертного круга, которые скажут, что это употребление неправильное. Поэтому ниже я собираюсь говорить не о «либерализме», а об условиях возможности говорения о либерализме.

1. Слова, выросшие (и обретшие смысл) в одном контексте, обесмысливаются, когда их переносят в другой контекст. «Консерватизм», «рынок», «конкуренция», «левые» (и, разумеется, «либерализм») — лексические единицы, внешне похожие на свои оригиналы. Но их похожесть примерно такая же, как у выражения «он постриг траву», произнесенного по-английски и по-русски. В культуре, где траву принято косить косой на корм скоту, семантическое наполнение этого выражения иное, чем в культуре, где в течение столетий существовали газоны и специальные приспособления для ухода за ними. Слова — одни и те же, а стоящие за ними социальные практики — разные. Я бы не хотел отсюда двигаться в том же направлении, в котором движется Виталий Найшуль, настаивающий на принципиальной культурной несоизмеримости России и (условного) Запада. Вполне возможно, что у нас сформируются институты и практики, сопоставимые с западными (ведь покупают же у нас газонокосилки). Я лишь предлагаю задуматься о различиях в ассоциациях, вызываемых терминами «либерал» и «либерализм» в нашем контексте, а также о том, как этот контекст сформировался, что с ним происходит сегодня (какова динамика его изменений) и т. д.

2. Рассуждения о «либерализме» ведутся в плоскости идеологии. Пикантность ситуации, однако, в том, что российский правящий класс принципиально внеидеологичен. У людей, оказавшихся у кормила власти в момент краха Советского Союза, не было и нет идеологии. Если угодно, их идеология — консюмеризм. Основная мотивация их действий — максимизация эко-

номического и политического преимущества, которым они располагали в момент коллапса 1991-1992 годов. К этой цели можно прийти двумя — лишь на первый взгляд несовместимыми — путями. А именно: через интеграцию в структуры транснациональной буржуазии и /или через эксплуатацию образов и чувств, связанных с национальным государством. Идеологические средства, которые используются для достижения данной цели, меняются в зависимости от обстоятельств. Поначалу это были «либеральные» и «демократические» слоганы («возвращение в семью цивилизованных народов», «обретение свободы», «преодоление тоталитарного прошлого», «демократический выбор»). Как только правящие элиты почувствовали, что слоганы, прежде способствовавшие легитимации приобретенной ими власти (и, разумеется, собственности), утратили свою функциональность, эти слоганы были с легкостью отброшены. В ход были пущены другие: укрепление государственности, обеспечение единства России, евразийский мост между цивилизациями и т. д.

Все танцы на идеологическом поле, свидетелями которых мы являемся в течение последних полутора десятилетий, инспирированы одной проблемой. Это проблема (не)легитимности в одночасье полученной собственности. Что касается схватки за ее перераспределение, которая ведется в последние три-четыре года, то эта схватка важна для узкой группы инсайдеров, но не для населения.

Населению, между тем, предлагаются разного рода идеологические деривативы, вторичные бумаги, ценность которых непонятно чем обеспечена. Например, оппозиция «либералов» и «патриотов». На потеху народу назначили мальчиков для битья — записных «либералов». Эти ритуальные объекты ненависти, как из прошлого (Гайдар и Чубайс), так и из настоящего (Греф и Кудрин) способствуют разрядке внутриобщественной напряженности. Предполагается (и это предположение, похоже, верно), что население не увидит, что либеральный злодей Зурабов проводил в жизнь закон, идея которого возникла в — дистанцирующейся от всякого либерализма — президентской администрации и получила разработку в — кичащейся своей антилиберальной направленностью — Думе.

На свежих идеологических бумагах, эмиссией которых власти активно занялись в последний год, нанесены знаки социальной справедливости. Россия, конструируемая на потребу коллективному воображаемому, будет не только «единой», но и «справедливой».

3. Сколь бы ни были специфичны российские реалии, не будем забывать, что мы живем в век глобализации. Смысловые смещения, претерпеваемые сегодня практически всеми понятиями «классической» (то есть связанной с Западной Европой XIX века) политической традиции, носят глобальный характер. Феномен неолиберализма, в частности, настолько синкретичен или эклектичен, что постоянно ставит в тупик умельцев по части наименований. Неолиберальную повестку дня (свободная торговля, минимизация государства) навязали «неоконы». Оппоненты неоконов, придя к власти,

стали проводить неолиберальную (она же — неоконсервативная) экономическую политику едва ли не с большим рвением, чем их предшественники: Клинтон оказался верным продолжателем дела Рейгана и Буша-старшего, Тони Блэр — дела Тэтчер, а Герхард Шредер — дела Гельмута Коля. Идеологические коктейли, взбивавшиеся на рубеже XX–XXI веков, включали в себя еще больше ингредиентов, чем смеси, популярные в послевоенные десятилетия (социал-демократия, христианский социализм, социал-либерализм); чего стоит только «либеральный консерватизм». При этом нормативный и операциональный уровни ведут почти автономное существование: то, что провозглашается в качестве ценностных ориентиров, и то, что делается на практике, часто противоречит друг другу. Под убаюкивающие разговоры о свободе торговли вводятся 30% пошлины на импортную сталь (одно из первых решений администрации Буша-младшего). На фоне славословий в адрес глобализации экономики одно европейское правительство за другим блокирует сделки с иностранными компаниями, рассматривая такие сделки как «недружественные поглощения». Защитники *family values* («республиканцы» в США, тори в Британии) сокращают пособия на поддержку многодетных семей. Сторонники welfare state (лейбористы в Британии, «демократы» в США, «социал-демократы» в Германии) делают все, чтобы разрушить таковое (снижение налогов на богатых и сверхбогатых, приватизация государственных предприятий, «либерализация» трудового законодательства и т. д.). Американские «консерваторы», несмотря на все разговоры о ценности местного самоуправления, строят сильное федеральное государство и, опять же вопреки риторике индивидуальной инициативы и минимума государства, наращивают и без того рекордный бюджетный дефицит. Наконец, те же самые «консерваторы» (или «неоконсерваторы»), которые пришли в Белый дом вместе с Бушем-младшим и которые, согласно партийной традиции, должны были сосредоточиться на домашних делах, то есть отдавать предпочтение «национализму», стали проводить внешнюю политику, беспрецедентную по степени «империалистичности».

Итак, слово «либерализм» обесмыслилось для нас трижды. Во-первых, в силу непреднамеренных aberrаций, которые его значение претерпело в ходе переноса на неблагоприятную почву. Во-вторых, по причине его преднамеренной дискредитации со стороны тех, в чьих руках находятся инструменты символического насилия. Наконец, в-третьих — и это замечание выводит нас за пределы российского контекста, — в результате семантических сдвигов глобального масштаба. Смысл понятий, как известно, порождается не (единственным и объективным) референтом, а игрой различий. Но если различия стерты, что происходит со смыслом?

Свой вклад в фатальное нарушение семантической ясности вносит то обстоятельство, что в борьбу за контроль над значениями включились новые претенденты. Наши наблюдения были выдержаны в традиции европоцентризма. Между тем, характерная черта последнего десятилетия XX — нача-

ла XXI века — утрата Западом символической монополии. Центр производства смыслов более не находится в одном месте. На роль игроков на глобальном идеологическом поле притяжают Пекин, Дели, Тегеран, Каракас, Дамаск. Идеологические гибриды, которые возникают в результате этой конкуренции, вряд ли позволят удержать привычную для нас систему координат (либерализм — консерватизм — социализм).

В заключение позволю себе соображение не в качестве исследователя, а в качестве гражданина. Меня удручает кампания по шельмованию «либерализма», которую ведет российская медийная машина в последние годы. Еще больше меня удручает готовность, с какой в эту кампанию включились многие члены интеллектуального сообщества. Мне кажется, они, в отличие от рядовых потребителей идеологического варева, изготовляемого на ококремлевских кухнях, должны понимать одну простую вещь.

Критика «либерализма» в том виде, как ее ведут капитаны российской пропаганды, нацелена против *демократии*. Эта критика мотивирована не озабоченностью буржуазным характером либерализма как доктрины, а неприятием целого комплекса ценностей, с этой доктриной связанных. Несмотря на то, что либерализм и демократия в доктринальном плане противоречат друг другу (идея свободы частного индивида-собственника и «правления закона», эту собственность защищающего, versus идея народовластия), векторы их движения в политическом поле часто совпадали. Формой их союза или, если угодно, их компромисса стала политическая система, именуемая либеральной демократией. К ней можно предъявить множество претензий, но согласимся, что эта система предпочтительнее, чем известные нам антилиберальные системы. Так вот, против чего в «либерализме» — то есть в либеральной демократии — выступают наши антилибералы? Против политической конкуренции? Против негосударственных СМИ? Против отделения законодательной власти от исполнительной? Против независимости суда?

Это, конечно, не народовластие. И все же это ближе к представлению о демократии, чем режим Ким Чен Ира.

Быть может, радикальная демократия, о которой грезят критики репрезентативной (буржуазной) демократии, — не более чем утопия. Но эта утопия выступает как регулятивная идея. Она задает горизонт политического действия для всех, кто не смирился со сложившимися на настоящий момент структурами господства. Коллеги, заявляющие о своем «антилиберализме», лишают себя этого горизонта.